

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.009-020

С. Ю. Фабричный

Институт государства и права РАН
г. Москва, Российская Федерация
Новгородский государственный
университет имени Ярослава Мудрого
г. Великий Новгород, Российская Федерация

С. И. Митина

Новгородский государственный
университет имени Ярослава Мудрого
г. Великий Новгород, Российская Федерация

Роль церкви в становлении правовой системы Руси (на примере архиепископской кафедры Новгородской республики)

Резюме. В статье представлен авторский подход к проблеме определения роли церкви в становлении правовой системы Руси. Дается оценка особого значения деятельности архиепископской кафедры Новгородской республики в истории государственно-правового строительства Руси в силу непосредственной причастности новгородцев к созданию первых отечественных памятников права, а также в силу обширных политических и экономических контактов, позволявших интенсифицировать трансформацию канонического права в регулятор светского характера. Характеризуется влияние политической обстановки, социального, идеологического и внутрицерковного противостояния на развитие системы правового регулирования. Раскрывается значение заимствования западноевропейского опыта рецепции римского права для обогащения отечественной правовой практики универсальным инструментарием, позволявшим облекать сложные, проблемные вопросы церковной и светской жизни в фактуру академической полемики и юридического документа. Доказывается актуальность исследования правотворческой, судебной и административной практики архиепископской кафедры Новгородской республики в целях выявления решающих факторов государственно-правового строительства Руси. На основе анализа данных источников и научных подходов к обозначенным вопросам делается вывод о необходимости официального признания роли богословской доктрины в качестве источника права на начальном этапе формирования отечественной правовой системы.

Ключевые слова: новгородская епископская кафедра; Новгородская республика; правовая система; законодательство; богословская доктрина; каноническое право; светское право; торговое право; суд; рецепция права; юриспруденция

Для цитирования: Фабричный С. Ю., Митина С. И. Роль церкви в становлении правовой системы Руси (на примере архиепископской кафедры Новгородской республики). *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 5. С. 9–20. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.009-020

Благодарности. Исследование выполнено в рамках научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12.07.2024 № 075-15-2024-639).

© Фабричный С. Ю., Митина С. И., 2026

The Role of the Church in the Development of the Legal System of Rus' (The Archbishopric of the Novgorod Republic as a Case Study)

Sergei Yu. Fabrichny

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
Veliky Novgorod, Russian Federation

Svetlana I. Mitina

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
Veliky Novgorod, Russian Federation

Abstract. The author gives the author's approach to defining the role of the Church in the formation of the legal system of Rus'. The paper elucidates the particular significance of the Archiepiscopal See of the Novgorod Republic in the history of the state and legal development in Rus', given the direct involvement of the people of Novgorod in creating the first native legal monuments, as well as their extensive political and economic contacts that facilitated the transformation of canon law into a regulator of secular life. The study examines the influence of the political environment, as well as social, ideological, and intra-church conflicts, on the development of the system of legal regulation. It highlights the importance of adopting Western European experience in the reception of Roman law for enriching domestic legal practice with a universal conceptual framework — one that made it possible to frame complex and contentious issues of both ecclesiastical and secular life within the structure of academic debate and formal legal documents. The paper substantiates the relevance of researching the lawmaking, judicial, and administrative practices of the Archiepiscopal See of the Novgorod Republic in order to identify the decisive factors in the state and legal development of Rus'. Based on an analysis of historical sources and scholarly approaches to the issues addressed, the author concludes that it is necessary to formally recognize the role of theological doctrine as a source of law at the initial stage of the formation of the national legal system.

Keywords: Novgorod episcopal department; Novgorod Republic; legal system; legislation; theological doctrine; canon law; secular law; merchant law; court; reception of law; jurisprudence

Cite as: Fabrichny SYu, Mitina SI. The Role of the Church in the Development of the Legal System of Rus' (The Archbishopric of the Novgorod Republic as a Case Study). *Lex russica*. 2026;79(5):9-20. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.009-020

Acknowledgements. This research was carried out as part of the scientific project «Development of a Russian Historiographical Model of Political and Legal Knowledge and its Application to the Design of Advanced Tools for Countering Ideological Distortions in Russia's Civilizational Development» with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Agreement No. 075-15-2024-639 dated 12 July 2024).

Введение

С момента крещения Руси христианство стало духовной скрепой, объединяющей русские земли, а церковь — институтом, обеспечивающим механизмы единения. Особенно отчетливо государственно-созидательная роль церкви проявилась в Новгородской республике. В истории средневекового Новгорода немало примеров уникальных институтов власти, среди которых особое место занимает новгородская епископия (архиепископия). Новгородские владыки имели своеобразный статус в республиканской

системе власти и обладали широким спектром полномочий, включавшим внешние сношения, судопроизводство, управление городскими магистратурами. Новгородская симфония властей — уникальный пример разграничения государственно-властных полномочий между светскими и церковными институтами в отечественной истории.

При обращении к вопросу роли и значения христианской церкви в становлении отечественной правовой системы следует четко представлять суть государственно-церковных взаимоотношений не только на Руси, но и в

Византии. Христианизация Руси началась в период правления в Восточной Римской империи Македонской династии. В это время (865–1056 гг.) законодательно религиозные нормы были признаны ограничителем воли монарха. Функция государства сводилась к претворению в жизнь христианских идеалов. К слову, «Исагога», нормативно закрепившая соотношение власти монарха и патриарха (светской и церковной), так и не вошла в состав принятых на Руси восточно-римских источников права¹. Между тем сама идея паритета власти духовной и светской (священства и царства), восходящая к еще более ранним государственно-правовым концепциям Константина Великого и Юстиниана I, прочно закрепилась в отечественной правовой традиции, и неслучайно: налицо был пример Константинополя. В конечном итоге именно симфония власти обеспечила жизнеспособность Восточной Римской империи.

Но не следует забывать, что период правления Македонской династии, с ее религиозной и правовой политикой, предваряла многовековая эпоха развития римского государства и права. В условиях же Руси X в. гармонизация государственной и церковной властей по примеру Византии должна была происходить в условиях начального этапа становления государства и церкви как таковых. И государство, и церковь старались укрепить свои позиции, выстраивая аппарат управления, формируя регулятивные механизмы.

Появление на Руси церковной организации определило ориентацию на правовые источники Византии, прежде всего в силу необходимости юридического оформления статуса и деятельности самой церкви². Рецепция византийских норм в системе регулирования внутрицерковной жизни очевидна и никогда не подвергалась сомнению. Однако становление православной церкви на Руси проходило в условиях тесного взаимодействия с институ-

тами государства. Более того, христианство и было призвано на Русь государственной властью. Следовательно, церковь изначально рассматривалась в качестве если не инструмента государственной политики, то, во всяком случае, надежного союзника княжеской власти. Новгород же, как известно, с 1136 г. обрел независимость от княжеской власти, при этом сделав церковную власть одной из опор своей независимости и республиканского строя.

При этом явного разрыва между новгородскими архиепископами и князьями не было, да и быть не могло, поскольку изначально статус архиепископов приобретался посредством предоставления специальных уставных грамот от князей. Так, волей Ярослава Мудрого вторым по очереди епископом в Новгороде оказался русский по происхождению Лука Жидята.

Роль владычной кафедры в государственно-правовом строительстве Новгородской республики

С самого начала новгородская владычная кафедра активно заявила о своей роли в государственном строительстве. Судебная юрисдикция новгородских архиепископов была значительно шире, чем у других епархиальных владык, благодаря обязательному участию владычных наместников в судопроизводстве, осуществляемом княжескими наместниками и тиунами (участие в светском суде). Существование института владычных наместников в системе судебной власти засвидетельствовано статьей 8 Устава Владимира (Синодальная редакция)³. Примечательно, что один из старейших изводов Устава представлен Синодальным списком в Новгородской Синодальной кормчей 1280-х гг.⁴

Как отмечает А. С. Хорошев, новгородские архиепископы использовали свой авторитет для завоевания ключевых позиций в местном

¹ Белякова Е. В. Издание печатной Кормчей (1653 г.) и «византизм» в русской государственности // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 2012. № 5. С. 37.

² Бондаренко Ю. В. К проблеме рецепции византийского права в древнерусском законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 274.

³ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юридическая литература, 1984. Т. 1 : Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. С. 149 ; Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М. : Издательство Московского университета, 1980. С. 129.

⁴ Цапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М. : Наука, 1972. С. 39–40 ; Древнеславянская кормчая: XIV титулов без толкований / труд В. Н. Бенешевича. СПб. : Типография Императорской академии наук, 1906. Т. 1. С. III.

судопроизводстве. Особенно наглядно это подтверждается статьями Устава и Рукописания новгородского князя Всеволода Мстиславовича⁵. Устав, данный Софийскому собору, закреплял и дополнял положения Устава Владимира. Каждая из трех частей Устава заканчивалась подтверждением независимости суда церковного от княжеской власти⁶. Комментируя делегирование князем судебных полномочий архиепископу, В. А. Томсинов отмечает, что духовенство на том историческом этапе вынуждено было брать на себя функции государственных служащих в силу неразвитости государственных институтов⁷.

Итогом законодательного определения судебных функций архиепископов новгородских стало содержание статьи 1 Новгородской судной грамоты, в которой прямо утверждалось их право судить по правилу святых отцов, по Номоканону, всех в равной степени: «как боярина, так и житего, так и молодчего человека»⁸.

Наряду с судебной юрисдикцией правомочия в международных отношениях также являлись показателем роли и значения церкви в государственно-правовом строительстве Руси. Когда речь заходит о внешней политике Новгородской республики, сразу возникает вопрос о ее регулятивной основе. Даже в современных условиях существенная часть сферы международных отношений регулируется обычаями. Однако, помимо обычаев, немалое значение в выстраивании межгосударственного общения с глубокой древности имели религиозные нормы. Отсюда особая роль религиозных институтов в становлении дипломатии.

Представление о регулятивной основе внешнеполитической, административной и судебной функций новгородских архиепископов нельзя составить без обращения к вопросу рецепции римского права в византийском и латинском вариантах. Прямое отношение новгородских владык к важнейшему виду экономической деятельности новгородцев — зарубежной торговле — подтверждается их непосредственным участием в заключении международных торго-

вых договоров⁹. Активные торговые и дипломатические контакты Новгорода с Западной Европой способствовали формированию каналов влияния латинской правовой традиции, особенно в частноправовой сфере, значительный сегмент которой находился в юрисдикции церковных судов. Архиепископская кафедра непосредственно участвовала в урегулировании вопросов торговли и разрешении конфликтов с ганзейскими партнерами. Проживавшие на территории Немецкого двора в Новгороде ганзейцы подчинялись скре (которая являлась одновременно уставом и судебником), а также правилам, определенным договорами с новгородцами. Долгое время руководящая роль в Ганзейском союзе принадлежала Любеку, что способствовало распространению любекского права на торговые отношения с Новгородом. Известно было новгородцам и предшествовавшее любекскому готландское право (право Висбю). Примечательно, что в активно торговавшей с Новгородом Риге согласно готландскому праву городского судью утверждал епископ. Епископ участвовал и в разрешении межгосударственных торговых конфликтов. Вышеупомянутая скра, по большей части сформировавшаяся к концу XIII в., состояла из установлений, выработанных в ходе организации жизни и торговой деятельности обитателей Немецкого двора. Очевидно, что этот документ, точнее — юридический акт, впитал новгородскую традицию делового оборота и местную культуру в целом. Тот факт, что отдельные нормы скры в последующем вошли в правовую систему Риги, доказывает взаимное влияние правовой культуры в рамках торговой практики и организации жизни средневековых городов. Четвертая редакция скры (1371 г.) стала общеганзейским уставом.

Скра начиналась формулой, утверждавшей необходимость соблюдения церковного права и права Святого Петра, «будь то в мелочах или в крупных делах»¹⁰. Церковь Святого Петра на территории Немецкого двора служила средоточием не только духовной, но и деловой жизни,

⁵ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 1. С. 121–122, 124.

⁶ Макарий, епископ Винницкий. История русской церкви. СПб. : Типография Императорской академии наук, 1857. Т. 2. С. 223–224.

⁷ Томсинов В. А. Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2009. № 4. С. 12.

⁸ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 1. С. 304.

⁹ Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М. : Наука, 1990. С. 79–123.

¹⁰ Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М. : Изд-во МГУ, 1986. С. 141.

а заодно хранилищем товаров. Такая же обычная практика существовала у новгородцев. Наиболее влиятельная артель новгородских купцов при храме Святого Иоанна Предтечи на Опоках имела привилегию через старост участвовать в решении судебных споров с иноземными купцами. И с той, и с другой стороны судопроизводство находилось под контролем церкви. Административная функция священника церкви Святого Петра в отношении членов купеческой общины Немецкого двора была прописана в ст. 19 скры. Примечательна статья 22, согласно которой при выезде всех купцов со двора ключи следовало опечатать и один передать епископу новгородскому, а другой — игумену монастыря Святого Юрия (Георгия)¹¹.

Непосредственное участие новгородских владык в разрешении торговых и дипломатических конфликтов с западными партнерами подтверждается грамотами. Е. А. Рыбина приводит пример, как новгородцы во главе с владыкой отправили в Ригу грамоту (начало XIV в.) по поводу конфликта, в котором пострадали новгородские купцы. Новгородцы требовали выдачи виновных и возвращения товаров¹². Поскольку подобные конфликты случались нередко, сложилась практика урегулирования их договорными грамотами, в которых заодно расписывались постановления на будущее для предотвращения соответствующих спорных, конфликтных ситуаций. Материал грамот, хотя и в разрозненном виде, подобен своду прецедентов. Последние редакции скры как раз отражали результаты разрешения при непосредственном участии новгородских архиепископов многообразных дипломатических, торговых конфликтов.

В то время как новгородские архиепископы активно участвовали в регулировании торговых отношений с зарубежными партнерами, политика митрополии в отношении этого вида экономической деятельности была далеко не однозначной. Еще в конце XI в. митрополит Иоанн Продром в «Канонических ответах» рекомендо-

вал купцам, ходящим «к поганым купли ради» («сребролюбцам»), свое согрешение очищать «молитвами и молением», а также причастием (ст. 28)¹³.

К вопросу о рецепции римского права

Факт активных торговых связей с западными партнерами не может не порождать вопроса о возможности рецепции каких-либо элементов римского права в латинском варианте в правовую систему Новгородской республики. А. А. Вовин и Н. Б. Срединская приводят пример роли институтов права собственности и узурфрукта в наследственных отношениях, выдвигая гипотезу о влиянии латинской правовой традиции и источников на правовые акты Северо-Западной Руси. Под источниками в данном случае следует понимать труды ранних глоссаторов. Примечательна также отсылка авторов к полному переводу Священного Писания на церковнославянский язык конца XV в. — Геннадиевской Библии. Одним из переводчиков называется доминиканский монах Вениамин¹⁴. Для историков права этот первый написанный кириллицей полный свод книг Ветхого и Нового Завета важен не только как уникальный памятник христианской культуры, но и как прямое свидетельство существовавших к моменту его создания механизмов использования западноевропейских ресурсов и техники подготовки и оформления наиболее важных документов и правовых актов. Исследования Геннадиевской Библии позволяют назвать в качестве одного из ее «технических» источников немецкие издания Библии. Архимандрит Августин (Никитин) считает возможной основой перевода издание, выпущенное в 1494 г. в Любеке Стефеном Арндесом¹⁵.

Подобный метод прослеживается и в происхождении еще одного произведения, созданного при новгородской кафедре архиепископа Геннадия. «Слово кратко» является специфическим памятником духовной и одновременно

¹¹ Рыбина Е. А. Указ. соч. С. 144.

¹² Рыбина Е. А. Указ. соч. С. 44.

¹³ Памятники древнерусского канонического права / ред. А. С. Павлов. 2-е изд. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908. Ч. 1 : Памятники XI–XV вв. С. 15–17.

¹⁴ Вовин А. А., Срединская Н. Б. Рецепция римского права в Северо-Западной Руси XIV–XV вв.: вдова и имущество покойного мужа // Петербургские славянские и балканские исследования. 2022. № 1 (31). С. 113–114.

¹⁵ Августин (Никитин Д. Е.), архимандрит. Геннадиевская Библия 1499 г. и ее западные библейские источники // Известия библейских комиссий. 1991. № 2. С. 52–68.

правовой литературы. Его полное название звучит как «Слово кратко». В защиту монастырских имуществ»¹⁶. «Оборону церковных имуществ и клира», а именно вотчинного владения духовенства, архиепископ Геннадий вел в условиях секуляризации имущества новгородской кафедры, отнятия у монастырей земельных владений при Иване III. «Имущество церкви» трактуется в «Слове кратке» как категория универсальная, объединяющая всё, что дано было церкви со времен императора Константина, а на Руси — князя Владимира. Отнятие у церкви имущества есть святотатство, санкцией за которое должны служить анафема, отлучение от церкви, явная епитимия и лишение погребения¹⁷. Ни один недостойный не может приступить к церкви под угрозой смертной казни. Еще больший грех — не только приступить, но и взять Божие¹⁸.

Примечательна трактовка основания права церкви на имущество, восходящего к самому Иисусу Христу и апостолам, имевшим при себе ковчежец на потребу свою и нищих. Ссылка на грамоту с золотой печатью, данную Константином Великим папе Сильвестру в подтверждение дарования церкви движимых и недвижимых имуществ, придает «Слову кратко» характер не просто богословского сочинения, а своеобразного процессуального документа. Еще интереснее отсылка к подтверждению прав на дарованное имущество со стороны «римских царей» Людовика I, Карла Великого, Оттона I и Генриха I. А. Д. Седельников считал, что в содержании «Слова кратка» проявлялась личность его автора, в которой «заметен последователь римской церковной юрисдикции». Ссылаясь на исследование А. И. Соболевского, А. Д. Седельников предполагал: текст не только был создан на основе латинских источников, но и сам первоначально мог быть написан на латыни, а затем уже переведен¹⁹.

После упоминания в «Слове кратке» имен европейских монархов идет изложение теории двух мечей — политико-теологической доктрины католической церкви. Учение Ватикана

о превосходстве священной власти церкви, а точнее римских пап, над мирской властью государей в трактовке новгородской архиепископской кафедры приобретает несколько иное звучание. Автор трактует природу одного меча как духовную, а второго — как вещественную. Церковь надлежит защищать сначала первым мечом, а в случае необходимости — и вторым. Христос сам велел ученикам приобрести мечи, природа которых символизирует разное положение церкви.

Анализируя «Слово кратко», А. Попов отмечает права и обязанности отдельных состояний. Притом что «всякая власть от Бога», цари и светские начальники должны защищать пастырей вместе с их вещами, а пастыри — молиться за своего временного господина²⁰. В такой трактовке теория двух мечей ближе к восточно-христианскому пониманию симфонии власти, чем к жесткой доктрине Ватикана. Приоритет духовной власти над светской покоится на том основании, что она находится в прямом подчинении у власти Божественной. Насильники, покусившиеся на церковное имущество и отлученные от церкви, обречены опасаться за власть свою на земле и за спасение свое в будущем. А. Попов выделяет в качестве одной из основных мыслей произведения приравнение к имуществу церковному имущества пастырей церкви. Особенность «Слова кратка» также состоит в упоминании как бы мимоходом характеристике церковного имущества как «стяжания нищих и искупления пленных»²¹.

Пример «Слова кратка» важен для понимания стратегии и тактики новгородской архиепископской кафедры в жестких условиях формирования централизованного государства, усиления монархических начал. Архиепископ Геннадий (Гонзов), известный бескомпромиссной борьбой с явившейся из Европы ересью жидовствующих, одновременно активно использовал свои связи с западноевропейскими научными и богословскими центрами для обогащения отечественной богословской и право-

¹⁶ Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым. XXI. «Слово кратко» в защиту монастырских имуществ // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М.: Университетская типография, 1902. Кн. 2 (201).

¹⁷ Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым. С. VII (349).

¹⁸ Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым. С. VIII (350).

¹⁹ Седельников А. Д. К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вениамина // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР. 1925. Т. 30. С. 207, 209.

²⁰ Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым. С. X (352).

²¹ Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым. С. XII–XIII (354–355), XV (357).

творческой практики уже опробованным, универсальным инструментарием, позволявшим облекать сложные, проблемные вопросы церковной и светской жизни в фактуру академической полемики и юридического документа. Неслучайно в свое время А. Д. Седельников характеризовал «Слово кратко» как трактат на основе латинской каноники²². Центральная идея произведения связывает имущественные права с отношениями церкви и государства в целом. Как известно, на всем протяжении отечественной истории эта проблема оставалась актуальной, так же как и вопрос о границах церковной юрисдикции в гражданско-правовой сфере.

Факторы развития системы правового регулирования

Рассуждая о значении канонического права в становлении правовой системы Руси, не следует забывать о специфике социального регулирования данной эпохи в целом. Протоиерей Владислав Цыпин в курсе церковного права, характеризуя участие канонистов Константинопольской юридической школы эпохи Македонской династии в издании законодательных сборников, подчеркивает, что светское и каноническое право в Византии в XI в. были неотделимы одно от другого²³. Что же говорить о соотношении этих двух систем регулирования на Руси, если учесть уровень развития на тот момент отечественного светского права, несравнимый с уровнем римского права средневизантийского периода. Очевидно, что авторитет канонического права на Руси был довлеющим. Будучи знатоками Священного Писания, канонов, владыки, в том числе новгородские, практически выступали в роли главных законников. Правда, давая оценку влиянию византийского канонического права, следует учитывать нюансы политической обстановки на Руси, социального, идеологического и внутрицерковного противостояния. Так, показательным можно считать эпизод с устранением с новгородской кафедры епископа Иоанна Попьяна. Разбирая причины замены его

Нифонтом, А. С. Хорошев останавливается на гипотезе В. Л. Янина о попытке Иоанна добиться для «северной епархии» независимости от Киевской митрополии и автокефалии по отношению к Константинопольской патриархии²⁴. Следует отметить, что в истории Новгородской республики попытки утвердить независимость и от князей, и от Киевской митрополии носили регулярный характер.

При Нифонте нормативно-регулятивная система городской общины развивалась под влиянием канонического права в византийском варианте. Известно также, что самый крупный скрипторий был создан в Новгороде при Нифонте (середина XII в.)²⁵. Факт массового перевода византийской христианской литературы на церковнославянский язык наряду с появлением на Руси представителей византийского духовенства современные специалисты считают важным условием развития древнерусской юриспруденции²⁶. Как яркий сторонник Константинополя, Нифонт, безусловно, следовал Номоканону, а при толковании церковных норм мог руководствоваться положениями Эклоги, Прохирона, а также комментариями канонистов. Нельзя исключать использования епископством греческого происхождения в административной, богослужебной, а возможно и в судебной, практике других памятников византийского канонического права, содержавших систематизированное учение о государстве и церкви, преступлениях и наказаниях.

При избрании на новгородскую кафедру следующего владыки (Аркадия) ситуация могла несколько измениться. Во-первых, епископ Аркадий имел местные корни, не был связан с Киево-Печерской лаврой как форпостом влияния Византии. Во-вторых, он был избран на кафедру по древнему обычаю новгородцев в апреле 1156 г. и приступил к выполнению функций до рукоположения в епископы, состоявшегося лишь 10 августа 1158 г. Таким образом, возобладала собственная (местная) традиция организации управления, восходившая к архаике (к обычному праву), но ставшая актуальной в условиях борьбы городской об-

²² Седельников А. Д. Указ. соч. С. 215.

²³ Цыпин В., протоиерей. Курс церковного права : учеб. пособие. Клин : Христиан. жизнь, 2004. С. 14.

²⁴ Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М. : Издательство Московского университета, 1980. С. 26.

²⁵ Гайденок П. И. Образование древнерусских епископов (конец X — первая треть XIII в.) // Христианское чтение. 2014. № 4. С. 21–22.

²⁶ Томсинов В. А. Указ. соч. С. 11.

щины за независимость. Могло ли это каким-то образом отразиться на регулировании судопроизводства, управления и на взаимоотношениях церковной организации со светскими органами власти? Возможно, в этот период больше внимания уделялось источникам церковного права государственного происхождения, причем местного, т.е. уставам князей Владимира, Всеволода Мстиславовича.

Рассуждая о роли восточнохристианской традиции в становлении духовной, правовой и политической культуры Руси, следует учитывать сложную природу церковно-религиозных регуляторов. Так, Р. Н. Кривко отмечает влияние с середины XI в. иерусалимского обычая на богослужебную практику Константинополя. Автор считает, что одним из объяснений «иерусалимских» праздников новгородской служебной минеи на апрель могут быть прямые контакты Древней Руси и Палестины через паломников или славянскую общину на Синае²⁷, что дает представление об источниках и о путях проникновения на Русь норм канонического права. В литературе, посвященной истории русской православной церкви, признается тот факт, что в рамках паломнической практики конца XII в. особенно выделялись «хождения новгородцев», отличавшихся стремлением к самостоятельности и налаживанию прямых контактов с Царьградом и его церковной иерархией²⁸. Примером такого «хождения» было путешествие в 1200 г. в Царьград новгородского архиепископа Антония, посещавшего, в частности, Студийский монастырь, откуда происходил Студийский устав. В списке XII в. перевод Студийского устава имелся в новгородском Воскресенском монастыре²⁹.

В целом судить о нормативной основе активной деятельности новгородских владык можно исходя из содержания старейшей русской редакции Кормчей книги — Софийской (Климентовской) кормчей 1280–1282 гг. Новгородский Синодальный список Кормчей

книги — первый отечественный свод законов церковных и светских. Его создание было инициировано новгородским архиепископом Климентом после состоявшегося в 1274 г. во Владимире Собора епископов русской церкви, утвердившего новый свод канонического права. Софийская кормчая представляет собой систематизированное собрание наиболее актуальных для второй половины XIII в. элементов религиозно-правовых памятников Византии, Сербии, Болгарии и Руси. Эта, по выражению М. Н. Тихомирова, «громадная книга» вмещала и Русскую Правду³⁰. Вывезенная в Москву в 1478 г. Софийская кормчая являлась не только идеологическим трофеем, но и источником знаний о правовой системе включенных при Иване III в состав Великого княжества Московского новых областей. Следует помнить, что создание централизованного государства сопровождалось активным правотворческим процессом, вылившимся в издание Судебника 1497 г. С. В. Юшков указывал на «чрезвычайно своеобразные черты» Псковской и Новгородской областей как на фактор, активно влиявший на развитие московского законодательства³¹. Объем и техника работы при создании Софийской кормчей невольно наводят на мысль о сравнении с трудом европейских глоссаторов, в свое время обеспечивших путем толкования и систематизации памятников древнего римского права необходимую для средневековой Европы платформу государственно-правового строительства.

Заключение

Каким же образом под эгидой церковных учреждений осуществлялась систематизация нормативной основы как церковных, так и мирских отношений XI и XII вв.? В. О. Ключевский применял к данному процессу уже привычный для XIX в. термин «кодификация». По

²⁷ Кривко Р. Н. Раннедревнеболгарский пласт в ростовской служебной минее XIII века (РНБ, Ф. п. I 37) // Slověne. 2012. Т. 1. № 1. С. 152–153.

²⁸ Августин (Никитин Д. Е.), архимандрит, Маркевич А. И. Студийский монастырь и древняя Русь // Альфа и Омега. 2008. № 53 ; 2009. № 54, 55.

²⁹ Монашество и монастыри в России. XI–XX века : исторические очерки / отв. ред. Н. В. Сеницына; Ин-т российской истории. М. : Наука, 2002. С. 16.

³⁰ Тихомиров М. Н. Пособие по изучению Русской Правды. М. : Издательство Московского университета, 1953. С. 17.

³¹ Юшков С. В. Судебник 1497 года (к внешней истории памятника). Саратов : Издание Правления Саратовского университета, 1926. С. 6.

его мнению, правотворчество начиналось с инициативы князей, находившихся в поиске новых юридических норм, лучших правительственных органов и за всем этим обращавшихся к церковной иерархии и церковным юридическим средствам. Далее уже церковные судьи и законоведы, работая с церковными византийскими произведениями о суде и об управлении, делали выписки пригодных правил, обращались в случае необходимости за толкованием к высшим иерархам и затем из полученных ответов и правил составляли юридические нормы. В. О. Ключевский подчеркивал, что таким же образом создавалась и Русская Правда. Отделы и титулы Эклоги или Прохиона не копировались, но переделывались сообразно с «местными нравами и отношениями»³². Всё это, как уже отмечалось, напоминает практику глоссаторов и наводит на мысль о роли богословской доктрины в правотворческом процессе. В современной научной литературе религиозная доктрина, наряду с актами князей, юридическими обычаями, договорами, признается одной из форм, в которых воплощалось право Древней Руси³³. Однако роль религиозной доктрины в становлении отечественной правовой системы универсальна. Во многом только посредством доктринальной переработки и редакционной правки представителями церковной организации остальные источники приобретали официальный характер и находили место в системе правового регулирования. Нельзя не согласиться с А. В. Корневым и В. В. Лазаревым, подчеркивающими первостепенную роль религии и церкви в легитимизации структур и институтов социализации человека на начальном этапе цивилизационного развития³⁴.

Рассмотрение вопроса о роли церкви в становлении российской правовой системы

на примере правовой практики новгородской архиепископской кафедры позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, не вызывает сомнений кардинальное отличие начального этапа формирования отечественной правовой системы от аналогичных процессов в странах романо-германской правовой семьи. Основу регулятивной базы в Древней Руси составили, наряду с обычным правом, религиозные нормы, причем в развитом, устоявшемся, кодифицированном варианте христианского канонического права, что сразу определило общую направленность ранних отечественных законодательных актов. Это означает, что отечественную правовую систему нельзя относить к романо-германской правовой семье, а следует считать главным элементом славянской. Во-вторых, следует официально признать роль богословской доктрины в качестве источника права на начальном этапе формирования отечественной правовой системы. В-третьих, среди архиерейских кафедр новгородская занимает особое место в истории государственно-правового строительства в силу особенностей положения в государственном механизме республиканского Новгорода и непосредственной причастности новгородцев к созданию первых отечественных памятников права. В-четвертых, уровень правовой культуры новгородцев в силу обширных политических и экономических контактов позволял интенсифицировать трансформацию канонического права в регулятор светского характера. Всё перечисленное дает основание считать актуальным дальнейшее исследование правотворческой, судебной и административной практики архиепископской кафедры Новгородской республики в целях выявления решающих факторов государственно-правового строительства Руси.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Августин (Никитин Д. Е.), архимандрит. Геннадиевская Библия 1499 года и ее западные библейские источники // Известия библейских комиссий. 1991. № 2. С. 24–69.

Августин (Никитин Д. Е.), архимандрит, Маркевич А. И. Студийский монастырь и древняя Русь // Альфа и Омега. 2008. № 53 ; 2009. № 54, 55.

³² Ключевский В. О. Русская история : полный курс лекций : в 3 т. М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2002. С. 251–252.

³³ Серегин А. В. Древнерусская правовая цивилизация // Lex russica. 2024. Т. 77. № 7. С. 130.

³⁴ Корнев А. В., Лазарев В. В. Телеологические и теологические смыслы развития российского права // Lex russica. 2025. Т. 78. № 3. С. 143.

- Белякова Е. В. Издание печатной Кормчей (1653 г.) и «византизм» в русской государственности // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 2012. № 5. С. 34–50.
- Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым. XXI. «Слово кратко» в защиту монастырских имуществ // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. Кн. 2 (201). М. : Университетская типография, 1902. 684 с.
- Бондаренко Ю. В. К проблеме рецепции византийского права в древнерусском законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 274–276.
- Вовин А. А., Срединская Н. Б. Рецепция римского права в Северо-Западной Руси XIV–XV вв.: вдова и имущество покойного мужа // Петербургские славянские и балканские исследования. 2022. № 1 (31). С. 105–116.
- Гайденок П. И. Образование древнерусских епископов (конец X — первая треть XIII в.) // Христианское чтение. 2014. № 4. С. 6–32.
- Древнеславянская кормчая: XIV титулов без толкований / труд В. Н. Бенешевича ; Отделение русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. 1. СПб. : Типография Императорской академии наук, 1906. 837 с.
- Ключевский В. О. Русская история : полный курс лекций : в 3 т. Т. 1. М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2002. 592 с.
- Корнев А. В., Лазарев В. В. Телеологические и теологические смыслы развития российского права // Lex russica. 2025. Т. 78. № 3. С. 142–151.
- Кривко Р. Н. Раннедревнеболгарский пласт в ростовской служебной минее XIII века (РНБ, Ф. п. I 37) // Slověne. 2012. Т. 1. № 1. С. 145–221.
- Макарий, епископ Винницкий. История русской церкви. Т. 2. СПб. : Типография Императорской академии наук, 1857. 372 с.
- Монашество и монастыри в России. XI–XX века : исторические очерки / отв. ред. Н. В. Синицына ; Ин-т российской истории. М. : Наука, 2002. 346 с.
- Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 : Памятники XI–XV вв. / ред. А. С. Павлов. 2-е изд. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908. 1466 с.
- Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1 : Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. М. : Юридическая литература, 1984. 432 с.
- Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М. : Изд-во МГУ, 1986. 173 с.
- Седельников А. Д. К изучению «Слова кратко» и деятельности доминиканца Вениамина // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР. 1925. Т. 30. С. 205–225.
- Серегин А. В. Древнерусская правовая цивилизация // Lex russica. 2024. Т. 77. № 7. С. 124–139.
- Тихомиров М. Н. Пособие по изучению Русской Правды. М. : Издательство Московского университета, 1953. 192 с.
- Томсинов В. А. Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2009. № 4. С. 3–26.
- Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М. : Издательство Московского университета, 1980. 224 с.
- Цыпин В., протоиерей. Курс церковного права : учеб. пособие. Клин : Христиан. жизнь, 2004. 700 с.
- Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М. : Наука, 1972. 343 с.
- Юшков С. В. Судебник 1497 года (к внешней истории памятника). Саратов : Издание Правления Саратовского университета, 1926. 46 с.
- Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М. : Наука, 1990. 384 с.

REFERENCES

- Augustine (Nikitin DE.), archimandrite, Markevich AI. Studiysky Monastery and Ancient Russia. *Alpha and Omega*. 2008;53. 2009;54,55. (In Russ.).
- Augustine (Nikitin DE.), archimandrite. Gennadiev Bible of 1499 and its Western biblical sources. *Izvestiya bibleyskikh komissiy*. 1991;2:24–69. (In Russ.).
- Belyakova EV. Publication of printed Kormchi (1653) and «Byzantism» in Russian statehood. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*. 2012;5:34–50. (In Russ.).

Beneshevich VN. Ancient Slavic feeding: 14th titles without interpretation: Vol. 1. Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences; 1906–1907. (In Russ.).

Bibliographic materials collected by Andrey Popov. XXI. «The word is short» in defense of monastic property. In: Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities. Moscow: University Printing House Publ.; 1902. (In Russ.).

Bondarenko YuV. On the problem of reception of Byzantine law in Old Russian legislation. *Gaps in Russian Legislation*. 2010;4:274-276. (In Russ.).

Chistyakova OI (ed.). Russian legislation of the 10th–11th centuries: in 9 vols. Vol. 1. Yanin VL (ed.). Legislation of Ancient Russia. Moscow: Juridicheskaja literatura Publ.; 1984. (In Russ.).

Gaidenko PI. The formation of Old Russian bishops (end of 10th — first third of the 13th century). *Khristianskoe chtenie*. 2014;4:6-32. (In Russ.).

Khoroshev AS. Church in the socio-political system of the Novgorod feudal republic. Moscow: Moscow University Publ.; 1980. (In Russ.).

Klyuchevsky VO. Russian History: Full Course of Lectures: In 3 vols. Vol. 1. Moscow: AST Publ.; Minsk: Harvest Publ.; 2002. (In Russ.).

Kornev AV, Lazarev VV. Teleological and Theological Value for the Development of Russian Law. *Lex russica*. 2025;78(3):142-151. (In Russ.).

Krivko RN. Early Old Bulgarian Layer in the Rostov Menaia of the 13th century. *Slověne*. 2012;1(1):145-221. (In Russ.).

Macarius, Bishop of Vinnitsa. History of the Russian Church. Vol. 2. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences; 1857. (In Russ.).

Pavlov AS (ed.). Monuments of Old Russian canon law. Part 1. (Monuments of the 11th–15th century). 2nd ed. St. Petersburg: M.A. Alexandrov Publishing House; 1908. (In Russ.).

Rybina EA. Foreign courts in Novgorod 12th–17th centuries. Moscow: Moscow State University Publ.; 1986. (In Russ.).

Sedelnikov AD. To the study of the «Word of the Brief» and the activities of the Dominican Benjamin. *Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the USSR Academy of Sciences in 1925*. 1926;30:205-225. (In Russ.).

Seregin AV. Old Russian Legal Civilization. *Lex russica*. 2024;77(7):124-139. (In Russ.).

Shchapov YN. Princely charters and church in Ancient Russia 11th–14th centuries. Moscow: Nauka Publ.; 1972. (In Russ.).

Sinitsyn NV (ed.). Monasticism and monasteries in Russia: 11th–20th centuries: historical essays. Institute of Russian History. Moscow: Nauka Publ.; 2002. (In Russ.).

Tikhomirov MN. Manual for the study of Russkaya Pravda. Moscow: Moscow University Publ.; 1953. (In Russ.).

Tomsinov VA. Jurisprudence of Ancient Russia and the legal culture of Byzantium. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*. 2009;4:3-26. (In Russ.).

Tsylin V., archpriest. Course of Church Law. Klin: Khristianskaya Zhizn Publ.; 2004. (In Russ.).

Vovin AA, Sredinskaya NB. Reception of Roman law in North-Western Russia of the 14th–15th centuries: widow and property of the late husband. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2022;1(31):105-116. (In Russ.).

Yanin VL. Novgorod acts of the 12th–15th centuries. Chronological commentary. Moscow: Nauka Publ.; 1990. (In Russ.).

Yushkov SV. Sudebnik of 1497: (to the external history of the monument). Saratov: Saratov University Publ.; 1926. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фабричный Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, директор Юридического института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого
д. 41, Большая Санкт-Петербургская ул., г. Великий Новгород 173003, Российская Федерация
sergey.fabrichnyy@novsu.ru

Митина Светлана Игоревна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого
д. 41, Большая Санкт-Петербургская ул., г. Великий Новгород 173003, Российская Федерация
svetlana.mitina@novsu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergei Yu. Fabrichniy, Dr. Sci. (Law), Professor, Leading Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Director of the Law Institute, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation
sergey.fabrichnyy@novsu.ru

Svetlana I. Mitina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the department of Theory of the State and Law, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation
svetlana.mitina@novsu.ru

*Материал поступил в редакцию 19 марта 2025 г.
Статья получена после рецензирования 1 апреля 2026 г.
Принята к печати 15 апреля 2026 г.*

*Received 19.03.2025.
Revised 01.04.2026.
Accepted 15.04.2026.*